

Материалы VII Конвента РАМИ

Секция № 8

Специальная секция РАПН

*Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, д.полит.н., профессор, заведующая
Кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, президент Российской
ассоциации политической науки*

Современные подходы к пониманию феномена политической профессионализации

Политическая профессионализация – многоаспектный феномен, непросто поддающийся интерпретации¹ в силу многосоставного характера политического класса, включающего функционально отличные категории лиц, которые должны соответствовать различным профессиональным стандартам. Методологическим основанием подхода к анализу политической профессионализации может быть понятие профессионализации, сложившееся в рамках социологии науки. Так, Д. Бивер и Р. Розен предложили следующее определение: «Профессионализация характеризует динамический организационный процесс, который способствует объединению индивидуумов в группы в соответствии с определенными качествами и свойствами – качествами как исключающими из состава группы, так и способствующими включению в нее. Таким образом, профессионализация определяет правила, права и алгоритмы доступа, способствует сплочению индивидов в группу индивидов и выделению группы из большого общества»². Конкретизируя это определение применительно к политической сфере, известный немецкий политический социолог Х. Бест полагает, что склонность к некоторой социальной закрытости, формирование или возникновение различий между инсайдерами и аутсайдерами, определенная локализация в социальном контексте, меры по защите карьеры и аккумуляция привилегий определяют существо феномена политической профессионализации³.

В качестве референтной для анализа процесса профессионализации может быть рассмотрена концепция аккумуляции преимуществ Р. Мертона: аккумуляция преимуществ происходит тогда, когда индивидуум или группа обретают ресурсы и

¹ Известный немецкий политический социолог Х. Бест называет его даже «несколько эфемерным». См.: Best H. Elite Continuity and Elite Circulation after System Disruption: The East German Case in Comparative Perspective. In: Best H., Edinger M., Representative Elites in Post-Communist Settings. Jena, 2003. No 8. P.18.

² Beaver D., Rosen R. Studies in Scientific Collaboration. Part I: The Professional Origins of Scientific Co-Authorship // Scientometrics. Vol. 1. 1978. № 1. P. 66–67. См. также: Best H. Elite Continuity and Elite Circulation after System Disruption: The East German Case in Comparative Perspective.

³ Best H. Op. cit.

вознаграждения, в возрастающем масштабе способствующие их обогащению и, соответственно, обеднению тех, кто не имеет доступа к данным благам. Независимо от критериев получения ресурсов и вознаграждений, а также независимо от их характера – аскриптивного или меритократического – процесс способствует формированию элиты и, в конечном счете, производит четко дифференцированную систему стратификации⁴.

Исходя из этих теоретических предпосылок, Х. Бест предлагает следующие принципы анализа профессионализации политической сферы: 1) наиболее релевантным подходом к изучению политической профессионализации и формированию политического класса является исследование последующего за режимными изменениями периода (который обычно сопровождается полной или частичной заменой прежней элиты); 2) политическая профессионализация невозможна без определенной стабильности политических карьер; 3) политический класс не может состояться без определенного контроля над его составом и ротацией, происходящей помимо ухода по естественным причинам; 4) политический класс не может состояться без формирования определенных отличающих его черт и неформальных «входных» критериев, которые отличают инсайдеров от аутсайдеров⁵.

Еще одной попыткой идентифицировать политический класс была предложенная Й. Мизелем *С-формула* «consciousness, coherence, conspiracy» («сознание, сплоченность, кооперация») ⁶. Представляется, однако, что эта концепция переоценивает степень сплоченности политического класса: последний настолько разнороден, что говорить о его сплоченности чрезвычайно трудно.

Иной подход предлагает известный немецкий исследователь К. фон Бойме. Если кратко суммировать позицию К. Фон Бойме, то она такова: политический класс как понятие шире, чем термин политическая элита, поскольку включает также «заднескамеечников». С другой стороны, он уже, поскольку политическая элита включает также таких неправительственных акторов, как администраторы, медиа персоны и лидеры групп интересов.

К. Фон Бойме выделяет четыре отличия элиты и политического класса:

«1) Термин “элита” – более широкий концепт, используемый в исследованиях лидерства. Он вбирает в себя экономические, культурные, медиа элиты в той мере, в которой они влияют на политический процесс. Только в одном отношении понятие “элита” является более узким. Политический класс включает всех тех политиков, которые разделяют привилегии элиты – даже если они оказывают минимальное влияние на процесс принятия решений. Политическая элита должна сотрудничать со всеми элитными группами в целях поддержания своей управленческой способности. Политический класс, напротив, лишь изредка может кооперироваться с иными секторами для расширения своих привилегий... Политическая элита действует от имени третьей стороны – общества. Политический класс действует лишь от своего имени. Политический класс нуждается в определенной автономии от своих избирателей, развивает свою автономию посредством принимаемых решений на периферии процесса принятия решений (законы относительно вознаграждения политиков и финансирования партий) и стремится усилить свое влияние в других социальных сферах посредством проникновения на лидерские позиции в сфере массмедиа и в сфере государственной экономики. Политический класс не может мобилизовать избирателей для принятия решений относительно его привилегий, тогда как

⁴ Zuckerman H. Scientific Elite. Nobel Laureates in the United States. N. Y., 1971.

⁵ Best H. Elite Continuity and Elite Circulation after System Disruption: The East German Case in Comparative Perspective. P. 19

⁶ Meisel J. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the Elite. Ann Arbor, MI: U. of Michigan Press, 1958.

политическая элита может это сделать для принятия важных решений по различным вопросам политики.

2) Политический класс включает также “заднескамеечников”, которые лишь незначительно вовлечены в процесс принятия важных решений. В рамках элиты “заднескамеечники” играют еще более незначительную роль вследствие иерархичности процесса принятия решений. Однако заднескамеечники выступают драйвером мер, направленных на защиту привилегий “эгалитарного” политического класса. Элиты мотивированы в основном политически, тогда как политический класс мотивирован своими экономическими интересами и интересами безопасности...

3) Изменения в рекрутировании и социализации обеих лидерских групп представляют собой в значительной мере продукт неуправляемого социального развития. Партии стремятся управлять этим процессом посредством введения квот и регулирования рекрутинга в избирательных округах – обычно с незначительным успехом... Политический класс включает также оппозиционные партии в той мере, в какой они остаются лояльными конституционному порядку... Политические элиты связаны разделяемыми правилами игры...

4) Изучение политических элит и политического класса отличается по методу рассмотрения. Позиционный метод – наиболее экономичен: он идентифицирует элиты как высший слой управленцев. Однако изучение процесса принятия решений показывает, что немалая часть решений принимается теми, кто не занимает официальных постов. Позиционный метод более полезен для изучения политического класса, парламентариев, высших администраторов»⁷.

Данная аргументация включает целый ряд важных характеристик, однако представляется, что принципиальная позиция К. фон Бойме относительно соотношения политического класса и политической элиты как представляющих собой частично пересекающиеся круги, нуждается в уточнении. Полагаем, что структура политического класса представляет собой концентрические круги, окружающие ядро, в качестве которого выступает политическая элита. Последняя являет собой многосоставное образование, включая высший эшелон исполнительной, законодательной и судебной властей; участвующих в политике влиятельных предпринимателей; немногочисленных в современном обществе представителей аристократии; экспертов высокого уровня; немногочисленных влиятельных представителей медиа сферы. В качестве «спутников», располагающихся на окружающих ядро орбитах, выступают различные категории политического класса: управленческая бюрократия среднего уровня – центральная, региональная и местная; политические эксперты; политические консультанты; политические технологи; партийные функционеры; профессиональные лоббисты; высший эшелон групп давления; политические журналисты. Доминирование той или иной категории определяется политической конфигурацией государства (формой правления, политической системой, политическим режимом), историческими традициями политического развития. Знание состава политического класса информативно: он многое может дать для понимания сущности политического режима. При этом границы самого политического класса размыты⁸, а грани между его отдельными категориями предельно подвижны. Общность политического класса и политической элиты определяется их локализацией в сфере политики; в качестве критерия их различия выступают их

⁷ Beyme K. von. The concept of political class: A new dimension of research on elites? // West European Politics. 1996. 19:1. P. 71–73. См. также: Beyne K. von. Die Politische Classe im Partienstaat. Frankfurt: Surkfort, 1993.

⁸ Нередки случаи оказания влияния на процесс принятия решений далеких от политики лиц – например, членов семей первых лиц государства; некоторые из них впоследствии могут занять формальные политические посты, как это было с Х. Клинтон, ныне занимающей пост госсекретаря США, или с действующим президентом Аргентины К. Киршнер.

функции в процессе принятия решений: политическая элита является непосредственным субъектом принятия решений, тогда как в задачи политического класса входит сопровождение этого процесса.

Позиция К. фон Бойме справедливо подвергалась критике в литературе также в связи с тем, что используя термин государство, он имел в виду «партийное государство», т. е. модель западноевропейской политики XX в., в которой рекрутирование политических акторов монополизировано политическими партиями. Между тем данная модель не является универсальной.

Очевидно, что для полноценного функционирования политической сферы в формате профессиональной необходимо наличие определенных предпосылок. Й. Борхерт предположил, что в качестве структурных предпосылок политической профессионализации выступают следующие:

1. Надежные источники дохода (парламентская зарплата, позиция в партийном аппарате, лоббистская деятельность и т. п.). Эти источники должны обеспечивать достойный уровень жизни, для того, чтобы сделать политическую карьеру привлекательной по сравнению с другими возможностями. Имея в виду, что политика может предложить также нематериальные преимущества (близость к власти, возможность выражения идеологических предпочтений, доступ к медиа), эти дополнительные возможности могут частично компенсировать преимущества других сфер с более высоким доходом.

2. Реалистичность шансов иметь постоянную работу в сфере политики. Минимизация опасности риска окончания карьеры – либо посредством надежного переизбрания, либо занятия другой привлекательной позиции в политической сфере, либо посредством комбинации обоих механизмов поддержания карьеры (должности в парламенте, исполнительной власти, партийном аппарате, группах интересов на локальном, региональном, национальном и наднациональном уровнях).

3. Наличие иерархий политических позиций и возможность карьерного продвижения – либо в рамках института (партии, парламентского комитета) или меж-институтская вертикальная мобильность (включая должности в исполнительной власти, парламенте, партийном аппарате, группах интересов, на локальном, региональном, национальном и наднациональном уровнях)⁹.

Борхерт также идентифицирует уровни профессионализации: индивидуальный (во многом определяемый возможностью, доступностью и привлекательностью политической карьеры); политического офиса (определяемый ресурсами – зарплата, персонал, привилегии и т. д); политических институтов (определяемый высоким удельным весом профессионального персонала, дифференцированной внутренней структурой и установленным внутренним распорядком и значительным бюджетом, существенно превышающим те, что обычно существуют в любительских объединениях). В свою очередь, институциональный контекст включает следующие компоненты, существенно влияющие на состав и особенности функционирования политического класса: структура государства, роль национального парламента, внутренняя структура парламента, избирательная система, партии и группы интересов, особенности финансирования политической сферы¹⁰.

⁹ Borchert J. Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective // Borchert J., Zeiss J., eds. The Political class in advanced democracies. Oxford Univ. Press, 2003. С. 7–8.

¹⁰ Borchert J. Op. cit. P. 9–14.

Существенная внутренняя функциональная и социальная дифференциация политического класса определяет специфику профессионализации входящих в состав политического класса категорий¹¹.

Наиболее детально концепт профессионализации артикулирован применительно к парламентариям вследствие публичного характера их деятельности и пристального общественного внимания к ней. Дж. Сартори идентифицирует в качестве параметров профессионализации парламентария такие качества, как необходимые профессиональные навыки, длительность депутатского статуса (время нахождения в парламенте) и изменение статусной позиции парламентария, обеспечивающее дистанцирование депутата от базового социального профиля¹².

Борхерт уточняет индикаторы профессионализации парламентариев, которые, с его точки зрения, включают: время, в течение которого суточная оплата становится постоянной зарплатой; время, в течение которого зарплаты повышаются до профессионального уровня (последний следует); введение пенсий для депутатов¹³.

В данном контексте представляют значительный интерес методологические подходы, разработанные в рамках реализации масштабного мегапроекта «Парламентское представительство в Европе. 1848–2012 гг.», в орбиту которого было вовлечено более двадцати европейских стран. Автор настоящей статьи выступала руководителем российской части проекта, посвященной изучению особенностей российской парламентской традиции и персонального состава депутатского корпуса Государственной думы Федерального Собрания РФ. Руководителями данного проекта Х. Бестом и М. Коттой предложены следующие четыре параметра профессионализации парламентариев в современном обществе: получение мандата на всеобщих выборах; опора в большинстве случаев на организационную и/или финансовую поддержку партий; рассмотрение депутатской деятельности на постоянной основе в качестве источника дохода и относительная независимость политика от социального происхождения и системы лояльностей, им продиктованных: профессиональный парламентарий не должен быть зеркальным отражением представляемой общности¹⁴.

Кроме того, профессионализация современной парламентской деятельности включает в себя три измерения: технологическое, институциональное и метафизическое. *Технологическое* измерение профессионализации предполагает способность депутатов к осознанию, артикуляции и агрегированию интересов избирателей, наличие у них навыков законотворческой и публичной политической деятельности, а также владение

¹¹ Следует отметить, что в ряде случаев члены политического класса полагают за благо не демонстрировать свой профессиональный профиль, как это было в Италии 1990-х гг. и Франции 1980-х гг. вследствие преимущественно негативного отношения общественного мнения к политикам из-за высокой степени их коррумпированности. Так, в начале 1990-х гг. в рамках операции «чистые руки» судебные преследования были возбуждены примерно против половины депутатов парламента, а в правительственных фракциях эта доля была выше (см.: Cotta M. // Best H., Cotta M. (eds.) *Parliamentary Representatives in Europe 1848–2000*, Oxford: Oxford University Press, 2000; Recchi E., Verzichelli L. *Italy: The Homeland of the Political Class* // Borchert J., Zeiss J. (eds.) *The Political class in advanced democracies*. Oxford Univ. Press, 2003.), вследствие чего немалое число членов примерно 100-тысячного политического класса Италии предпочитали позиционировать себя в биографических отчетах в качестве свободных журналистов или консультантов, поэтому политическая профессионализация порой носила неявный характер. Негативное отношение к политикам сложилось также в США в 1990-х гг. в связи с многочисленными скандалами различного характера.

¹² Sartori G. *The Professionalization of Italian MPs* // Dogan M., Rose R., eds. *European Politics*. Lettles, Brown and Co.: Boston, 1971. P. 408–415.

¹³ Borchert J. *Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective* // Borchert J., Zeiss J. (eds.) *The Political class in advanced democracies*. Oxford Univ. Press, 2003. С. 8.

¹⁴ Best H., Cotta M. (eds.) *Parliamentary Representatives in Europe 1848–2000*. Oxford: Oxford University Press. P. 494, 524.

технологиями политического маркетинга, менеджмента и коммуникации. *Институциональное* измерение фиксирует роль законодательной власти как институционального канала рекрутирования общенациональной политической элиты. *Метафизический смысл* профессионализации состоит в превращении парламента в инструмент реализации национальных интересов данной государственной общности, отличных от корпоративно-партикулярных интересов представленных в парламенте групп и самих депутатов.

Комментируя последнее из перечисленных трех измерений, следует отметить специфичность этических требований в сфере политики, что отмечал еще Вебер: «Главное средство политики – насилие... разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты содержательно *тождественные* заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, сыну, конкурентам, другу, подсудимым? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства – власти, за которой стоит *насилие*?»¹⁵

Автору этих строк уже приходилось писать о необходимости содержательного разведения двух типов этических регуляторов, которые можно определить как *политическую* и *приватную* мораль¹⁶. Политическая мораль призвана регулировать отношения политических акторов в политике; приватная – в сфере частной жизни. С точки зрения своих содержательных и функциональных особенностей феномены политики и морали, рассматриваемые в качестве самостоятельных сфер социальной жизни, различаются. Если мораль оперирует незыблемыми нормами и ценностями, нацеленными на укрощение эгоистической природы человека, то в политике константой является не *идеал*, а *интерес*. Как известно, категория интереса (как мотива поведения в отличие от идеала) выражает ориентацию субъекта на достижение прагматических целей в отличие от идеала, требующего соответствия субъекта этическим нормам. Это не значит, что политика по определению безнравственна – здесь иной базовый критерий нравственности. В общем плане можно сказать, что мерилом нравственности в политике выступает соответствие национально-государственным интересам. При этом личная моральная состоятельность конкретного политика – вопрос второстепенный.

Разумеется, это отнюдь не означает, что в политике цель (национальный интерес) полностью оправдывает средства. Однако при механическом приложении к политике норм и оценок «частной» морали можно прийти к абсурдному выводу, что государство есть глубоко безнравственный институт – ведь реализация его функций неизбежно предполагает насилие, причем в «особо крупных размерах». Целесообразно ставить вопрос не о несовместимости политики и морали, а о *специфичности политической морали*, отличной от *морали приватной*.

Вышеизложенное означает, что феномен морали в политике имманентно противоречив. При этом противоречия политической морали – «не формально-логического свойства. В них столь много плоти и крови, что их нельзя даже понять, мысля “априорно” и отвлекаясь от ситуаций и контекстов, в которых они возникли, не говоря уже о нахождении способов их преодоления. Более того, многие из них такого рода, что у них совсем нет «окончательных и единственно правильных решений»¹⁷; судить о моральности политики можно только в контексте.

Таким образом, политическая мораль в отличие от морали приватной ситуативна: если приватная мораль регулируется не подверженными сиюминутной конъюнктуре

¹⁵ Вебер М. Указ. соч. С. 697, 694.

¹⁶ Гаман-Голутвина О.В. О морально-нравственных основаниях политики // Полис. 2005. № 3.

¹⁷ Капустин Б.Г. О связи морали и политики // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М., 2004. С. 71.

установившимися нормами (в христианстве это известные заповеди) нормы «не убий», «не укради» – не зависят от контекста, тогда как эти же нормы применительно к политике зависят от контекста, постольку невозможно выносить априорных решений по поводу рассматриваемых ею предметов. «*Что* есть насилие, *какова* его допустимая мера, *как* возможно его искупление» – ответы на эти вопросы возможны лишь в конкретном контексте. «Политическая мораль покидает сферу трансцендентного и входит в историю»¹⁸.

Сказанное означает, что этические измерения деятельности политического класса и его профессиональная этика представляют собой порой трудно разрешимые проблемы, не поддающиеся однозначной интерпретации. Данное обстоятельство высвечивает еще один неоднозначный аспект феномена политической профессионализации.

¹⁸ Там же. С. 78.